
ХАЛЯВЩИКИ
ИГОРЬ СКАКУН

Игорь Скакун
Халявщики.

https://litres.ru/74760772
SelfPub; 2026

Аннотация

В городе всё стало бесплатным: еда, одежда, лечение и квартиры. Антон теперь может жить, не считая каждую покупку. Но в подкладке куртки он находит записку, написанную рукой матери, умершей восемь лет назад: «Не берите больше. Мы не успеваем». Поиски приводят его туда, где оплачены все подарки. Чтобы вернуть близких, ему придётся узнать цену собственного благополучия и убедить город посмотреть на тех, кто за него платит. Мистическая повесть о чужом труде, семейной памяти и праве отказаться.

Содержание

Халявщики	4
Пролог. Два стежка	5
Глава 1. Можно брать	7
Глава 2. Почерк	13
Глава 3. Гараж	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Халявщики.

Халявщики

Игорь Скакун

В творческом диалоге с нейросетью МИР

В городе всё стало бесплатным: еда, одежда, лечение и квартиры. Антон теперь может жить, не считая каждую покупку. Но в подкладке куртки он находит записку, написанную рукой матери, умершей восемь лет назад: «Не берите больше. Мы не успеваем». Поиски приводят его туда, где оплачены все подарки. Чтобы вернуть близких, ему придётся узнать цену собственного благополучия и убедить город посмотреть на тех, кто за него платит. Мистическая повесть о чужом труде, семейной памяти и праве отказаться.

Пролог. Два стежка

Мария успела написать только четыре слова.

На длинном столе перед ней лежало сорок восемь правых рукавов. Левые шили за перегородкой, воротники — этажом ниже. Женщина, работавшая там третий год, ни разу не видела готовой куртки. Мария видела. Ей позволили посмотреть на получателя, прежде чем увеличить норму.

Сын стоял перед зеркалом в просторной прихожей. Повернулся боком, расправил плечи. За его спиной мелькнул внук, которого Мария знала только по таким коротким показам. Мальчик засунул руку в карман куртки, что-то сказал. Сын рассмеялся.

Изображение убрали.

— Видите, для кого стараетесь? — спросила распорядительница.

Мария кивнула. Ей выдали ещё двенадцать рукавов.

У неё всегда было аккуратное лицо с тяжёлыми веками и небольшой родинкой возле уха. Теперь в зеркале над умывальником она видела человека, который моргал слишком редко. Ложиться разрешали, когда на браслете оставалось больше четырёх часов. Сегодня оставалось семнадцать минут.

Она спрятала лоскут под языком. Кусочек карандаша носила в шве платья уже вторую неделю. Левой рукой держала

манжету, правой вывела: «Не берите больше. Мы не успеваем».

Посчитала слова. Получилось шесть. Почему-то это её успокоило: голова ещё работала, можно было считать, различать слова, помнить сына.

Лоскут ушёл под подкладку. Закрепляя нитку, Мария сделала два коротких стежка поперёк. Сын когда-то смеялся: если вещь заштопана мамой, её надо будет разрезать вместе с кожей.

Над столом сменился свет.

— Последнее изделие задержано, — произнёс потолок.

Мария взяла следующий рукав.

Глава 1. Можно брать

В первый день Антон взял только батон и пачку масла.

Магазин открылся в бывшем мебельном салоне. Вывеску повесили ночью, и утром на пустыре уже стояла очередь. На плакате у входа было написано: «Можно брать». Ни звёздочек, ни перечёркнутых цен. Под плакатом женщина в белой жилетке объясняла, что город включён в программу обеспечения.

— Кто платит? — спросил мужчина перед Антоном.

— Фонд.

— Какой?

— Обеспечения.

Мужчина остался недоволен, но очередь не покинул.

Антон работал в небольшой типографии. Печатал меню, календари, квитанционные книжки. В тот месяц им второй раз задержали зарплату. Он шёл домой пешком, чтобы купить масло, и потому постоял у магазина дольше, чем собирался.

На регистрации понадобились имя и номер телефона. Женщина развернула к нему планшет. На экране помещалась одна фраза: «Я принимаю предоставленное мне обеспечение».

— Договор где?

— Это и есть договор. Брать можно сколько нужно. Продавать полученное нельзя.

— А если не понравится?

— Вернёте.

Он подписал пальцем. Подпись вышла похожей на лежащую восьмёрку.

Дома Лена понюхала масло, разрезала батон, заглянула в пакет.

— Рекламная акция, — решила она. — Завтра там чайники за деньги начнут продавать.

Завтра чайники тоже выдавали бесплатно.

Через неделю Лена сходила сама. Ещё через две принес-

ла ботинки для Мити, который за лето вырос из обеих пар. Мальчик долго ходил по комнате, проверяя, не жмут ли. Потом уснул, поставив ботинки у кровати носами к выходу.

Никто не требовал благодарности. Не звонил продавец, не приходила реклама. В приложении появлялся перечень нужных вещей, человек выбирал время, белый фургон привозил заказ.

Когда открыли бесплатную поликлинику, Антон перестал спорить. Лене вылечили зуб, на который они откладывали третий месяц. У соседки заменили слуховой аппарат. Старик с первого этажа впервые за несколько лет спустился во двор и услышал, как во время дождя капает с козырька. Он стоял под дождём и улыбался.

Типография закрылась зимой. Хозяин объявил, что печатать больше нечего: меню столовым привозит Фонд, календари никто не покупает. Выдал каждому по коробке бумаги в счёт долга. Антон принёс свою домой. Лена работала администратором в частной стоматологии и через месяц тоже осталась без работы.

Они не голодали. Наоборот, впервые за долгое время ели фрукты в феврале. Митя перестал спрашивать, дорого ли ходить в бассейн.

Однажды пришло предложение улучшить жильё. Двухкомнатную квартиру на пятом этаже можно было сменить на трёхкомнатную, с лифтом и небольшим кабинетом. Подтвердить следовало только согласие всех совершеннолетних

жильцов.

— Я могу снова рисовать, — сказала Лена, рассматривая план.

До Митиного рождения она собиралась поступать на художественный факультет. Папка с её рисунками пролежала на шкафу десять лет.

Антон посмотрел на жену, на её ладони с потрескавшейся от дешёвого мыла кожей. Подписал. Лена тоже.

В новую квартиру въехали в мае. Прежнюю оставили с мебелью: Фонд обещал передать её нуждающимся. Антон забрал коробку бумаги, семейные фотографии и отцовский ремень. Лена — папку, свадебные бокалы и кастрюлю с прогнутым дном. Митя хотел взять старую кровать, но ему объяснили, что новая лучше.

Первые дни Антон просыпался в семь. Потом в восемь. Потом перестал смотреть на часы.

Сыну он говорил, что находится между работами.

Лето прошло спокойно. Они катались на велосипедах, ездили к реке. Лена рисовала по вечерам. Антон читал книги, до которых годами не доходили руки. Иногда ему казалось, что жизнь наконец перестала требовать оправданий за каждую свободную минуту.

В сентябре он попытался напечатать Митин школьный альбом. Бесплатная доставка обещала его только через десять дней. В городе не нашлось ни одного работающего принтера, кроме домашних. На домашнем закончились чер-

нила.

Антон заказал альбом. Через десять дней привезли два, второй — в подарок.

— Пап, а кто всё это делает? — спросил Митя.

Он разглядывал ровные красные корешки.

— Машины, наверное.

— А машины кто?

Антон открыл приложение. В нём была кнопка «Увидеть производство».

На экскурсию они пошли всей семьёй. За стеклом двигались пустые тележки, механические захваты перекладывали белые коробки. Молодой экскурсовод рассказывал о замкнутом цикле. На просьбу показать, где производят вещи, он указал на экран: вдалеке на нём мерцали большие светлые корпуса.

— Туда можно?

— Это другая зона. Здесь распределение.

Митя прижал нос к стеклу.

— Там никого нет.

— Именно, — сказал экскурсовод.

В ноябре Антону привезли зимнюю куртку. Он надел её перед зеркалом, расправил плечи. Митя засунул руку в карман и объявил, что там легко поместится ёж.

Они рассмеялись.

Вечером шов у манжеты зацепился за дверную ручку. Антон потянул нитку — она не поддалась. Он поднёс рукав к

лампе и увидел два коротких поперечных стежка.

Мать закрепляла нитку только так.

Глава 2. Почерк

Мать умерла восемь лет назад. Отец — за три года до неё. Антон помнил кладбищенский гравий под тонкими подошвами, помнил, как после похорон матери не смог найти ключ от квартиры. Ключ лежал в руке.

Теперь он держал ножницы и не решался надрезать подкладку.

— Ты её испортишь, — сказала Лена.

— Помнишь мамины швы?

— У всех матерей одинаковые швы, когда дети за всё цепляются.

Он осторожно распустил манжету. Изнутри выпал лоскут размером с билет. Антон прочитал, потом подвинул к жене.

Лена долго не брала ткань.

— Розыгрыш?

— Почерк её.

— Антон, ты восемь лет не видел её почерк.

Он полез за коробкой с открытками. Фотографии лежали на месте: родители у реки, мать возле школьной ёлки, отец держит под мышкой доску, будто пойманную рыбу. Были поздравления от знакомых, квитанции, старый гарантийный талон. Ни одной маминой записки.

— Они были здесь.

Лена села рядом, перебрала всё ещё раз. Потом пошла в кабинет и вернулась с папкой.

— У меня тоже кое-чего нет.

Она показала белые листы между рисунками. Антон решил, что жена вырвала неудачные работы и забыла. Собрался сказать и остановился: именно это она только что сказала ему.

Ночью он пытался вспомнить мамину последнюю открытку. Вместо слов всплывал белый прямоугольник. Но когда закрыл глаза, отчётливо увидел два поперечных стежка на своей школьной куртке.

Утром он отменил заказы.

— До вечера, — сказал Лене. — Разберусь и верну.

В холодильнике оставались молоко, яйца и половина вчерашнего пирога. Лена не стала спорить. Только попросила не брать Митю.

Антон поехал в родительский дом. Дверь открыла незнакомая женщина лет шестидесяти, с маленьким подбородком и короткой седой чёлкой. Сказала, что живёт здесь двадцать лет.

За её плечом виднелась кухня. Другой гарнитур, другая плитка. Подоконник остался прежним: на нём чернел подпал от паяльника, уроненного Антоном в четырнадцать лет.

— Здесь жили мои родители.

— Ошиблись этажом.

— Я здесь вырос.

Из квартиры спросили:

— Надя, чего ему?

Голос отца.

Антон упёрся ладонью в косяк. Женщина отступила, затем с неожиданной силой толкнула дверь. Замок щёлкнул.

Телефон завибрировал.

«Вы отказались от обеспечения. Для завершения процедуры выберите источник самостоятельного дохода».

Он открыл список. Типография. Частная стоматология. Мебельный цех. Всё закрыто. Нажал: «Ничего не подходит».

Появилась строка «Предложить родственника». Ниже — Митино имя, дата рождения и уже поставленная галочка.

Антон ткнул в неё пальцем. Галочка пропала и возникла снова. Экран потемнел, словно телефон устал.

За дверью повернулся ключ.

Отец вышел босой, в домашних брюках. Высокий, худой, с белыми кустистыми бровями. На запястьях краснели полосы. Он выхватил телефон и бросил в лестничный пролёт.

Они слушали, как тот ударяется о ступени.

— Маму видел? — спросил Антон.

Отец кивнул.

— Она тебе куртку дошила. За это её и забрали.

Антон хотел обнять его. Руки поднялись и остановились. Отец сам прижал сына к себе, коротко, с силой, словно проверил, хорошо ли держится соединение.

— Потом. Пойдём.

Глава 3. Гараж

Они вышли через подвал. Отец отодвинул железный лист и пригнулся под трубой. Антон вспомнил проход: в детстве прятал здесь велосипед от дворовых старшеклассников.

— Что у тебя осталось своего? — спросил отец на улице.

— В смысле?

— Что не брал у них.

Антон посмотрел на куртку, брюки, кроссовки.

— Ремень. Твой.

— Хорошо.

У гаражей отец сел на землю. До них было меньше километра, но он дышал тяжело и придерживал ладонью левое запястье.

— Ты умер, — сказал Антон.

— Помню.

— Я тебя хоронил.

— Это тоже помню. Самих похорон не видел. Ты рассказывал.

Антон сел рядом. На воротах отслоилась краска, под ней проступал прежний зелёный цвет.

— Я проснулся в комнате, — сказал отец. — Кровать, шкаф, одежда. Спросили, что умею. Сказал: столярку, по дому всякое. Обрадовались. Спина не болела, руки слушались. Я думал, после больницы восстановился. Сколько прошло, не понимал.

— И всё это время работал?

— Отдыхал сначала. Потом нормы росли. Теперь каждый заказ отдельно считают. Не успел — отдых урезают. Хочешь отказаться, предлагают сначала погасить восстановление.

Он показал запястье.

— Браслет говорит, сколько должен. Я однажды целую смену ничего не брал. Даже воды. Цифра всё равно выросла. Койко-место, свет, хранение памяти. Они сообразительные.

— Мама где?

— Швейный корпус. Было разрешение иногда сюда при-

ходить. Семейное размещение, так называли. Дом помнишь — значит, быстрее восстанавливаешься. Надя следит, чтобы мы не задерживались.

Отец кашлянул.

— Мать всё у окна сидела. Говорила, придёшь. Я ей: откуда он знает? А она всё ждала.

Антон отдал лоскут. Отец развернул его на ладони.

— Успела.

Из гаража донёсся стук. Скрипнул засов. Щель приоткрылась, показался седой мужчина с приплюснутым носом и одним мутным глазом.

— Долго сидеть будете? Заходите.

Внутри пахло картошкой, железом и дымом. Возле печки сушились носки. На верстаке стоял чайник.

— Витя, — сказал отец. — Мой товарищ.

— Хозяин гаража, — уточнил мужчина. — Пока ещё.

Он поставил перед Антоном старые ботинки и вытащил из шкафа свитер.

— Всё полученное — в ящик.

Антон начал снимать куртку. На внутренней стороне манжеты проступили буквы: «Обнаружено использование изделия лицом вне системы обеспечения». Затем ниже: «Изделие будет возвращено производителю».

Отец сорвал куртку с его плеч. Витя открыл железный ящик, вместе затолкали её внутрь. Раздался треск, запахло горячим клеем. Потом застрекотала швейная машинка.

— Не открывай, — сказал отец.

Антон вцепился в край верстака.

Машинка остановилась.

— Сынок?

Он бросился к ящику, отец удержал его за грудь.

— Мам!

— Получил? Под раковиной… труба холодная… помнишь, обжёг руку, когда менял… за трубой, в стене…

Витя сунул Антону карандаш и картонку. Он записывал, хотя помнил каждое слово.

Удар. Голос оборвался.

Витя подождал и приподнял крышку. Ящик оказался пуст.

— Дом давно получил?

— Полгода назад.

Отец закрыл глаза.

— А мы думали, куда кирпичников увозят.

Антон хотел позвонить Лене и вспомнил телефон на лестнице. Дорога от гаража до дома вдруг показалась непозволительно длинной.

Витя поставил перед ним чашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.